

18+

НАТАЛЬЯ КОМЛЕВА

**ПРАВДИВЫЕ
РАССКАЗЫ ПОДРУГ
В СОПРОВОЖДЕНИИ
КАРТИН
И СКУЛЬПТУР**

Наталья Комлева

**Правдивые рассказы
подруг в сопровождении
картин и скульптур**

«Издательские решения»

Комлева Н.

Правдивые рассказы подруг в сопровождении картин и скульптур /
Н. Комлева — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-902912-6

Редко кто бывает своей жизнью доволен. Чаще всего люди думают, что их жизнь неинтересная. Однако если присмотреться, то выходит не так. Иной раз над самим собой заплачешь, а иной раз и порадуешься! Вот как в этих маленьких рассказах, которые не сгруппированы «по темам», а просто рассыпаны по страницам — в жизни ведь события тоже обычно происходят не по схеме. И всё-всё в них правда, всё — как было на самом деле, ничего не убавлено, ничего не прибавлено. Так, как подруги рассказывали.

ISBN 978-5-44-902912-6

© Комлева Н.

© Издательские решения

Содержание

Кавалер	6
Шубка	8
Мечта	9
Рана	11
Старичок	13
Пианистка	15
Банкрот	17
Развод	19
Офицер	21
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Правдивые рассказы подруг в сопровождении картин и скульптур

Наталья Комлева

© Наталья Комлева, 2020

ISBN 978-5-4490-2912-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Редко кто бывает своей жизнью доволен. Чаще всего люди думают, что их жизнь неинтересная, скучная, что где-то там наверху пожадничали и самого вкусного им недодали. Однако если попристальней присмотреться, то выходит не так. Иной раз над самим собой горючими слезами обольёшься, а иной раз и порадуешься от всего сердца! Или просто улыбнёшься сочувственно. Вот как в этих маленьких рассказах, которые не сгруппированы «по темам», а просто рассыпаны по страницам, как разноцветные конфетки-леденцы из коробочки – в жизни ведь события тоже обычно происходят не по схеме. И всё-всё в них правда, всё – как было на самом деле, ничего не убавлено, ничего не прибавлено. Так, как подруги рассказывали.

Кавалер

М. Гарай Аревало (Испания). Первое свидание

Одна девочка жила счастливо. Мама и папа её очень любили и берегли от жизненных трудностей. Читала она только классическую возвышенную литературу, поскольку другой в семейной библиотеке не было, и ждала возвышенной нежной любви – как у мамы с папой. Окончила школу, университет, пошла на работу и всё ждала: где же тот чудный юноша, который подарит ей своё горячее благородное сердце. Выглядела и одевалась она хорошо, однако юноши что-то не спешили одаривать её чувствами.

И вот по работе случилось ей повстречаться с пожилым уже, тридцатилетним, но всё ещё весьма привлекательным мужчиной. И стал он как бы ухаживать: приходил к ней на работу довольно часто – уже без дела, а просто так, повидаться – беседы вёл приятные, на прогулки приглашал в соседний сквер с красивыми цветущими растениями, обсуждал с ней важные предметы, требовавшие тонкого вкуса и суждения. Например, как-то позвонил и с волнением сообщил, что она ему нужна для очень, очень важного дела. Прямо без её мнения не может он решиться на один поступок. Взволновалась и девушка, и в оговорённое время, в обеденный перерыв, пошла не в столовую, а в условленное место – на верхний, малолюдный, этаж здания, в котором работала – беспокоясь и переживая. Приятный облик мужчины, как всегда, сильно опоздал, но явившись, задал тот самый важный вопрос, который его так тревожил: вот он вчера себе новую рубашку прикупил, так идёт ли она ему и не отдать ли её обратно в магазин, благо и чек сохранился? Девушка рубашку похвалила за модный крой и цвет, и мужчина успокоился: прямо от сердца у него отлегло.

Шло время, и девушка постепенно сильно привязалась к своему пожилому кавалеру, тем более что он был с ней так нежен, так нежен: говорил приятное и смотрел умильно. Правда,

часто он, назначив свидание где-нибудь у неё на работе или в сквере поблизости, на свидание не приходил, а девушка всё ждала его до той поры, когда уже и ждать было незачем, и звонила ему на работу – другого телефона он ей не дал – а на его работе чужие голоса отвечали, что занят, мол, и к телефону подойти не может, не надо отвлекать.

Через год девушка случайно узнала, что мужчина давно женат, и есть у него двенадцатилетний сын. Спросила она своего героя, отчего же он обманывал? Ну, о семье ведь вопросов с её стороны никогда и не было, отвечал верный кавалер, а ходил он к ней потому, что она такая юная, хорошенькая и умненькая, и сочувствует так мило, и советует так правильно, а главное – хвалит его и восхищается так искренно, так искренно...

Девушка сказала, чтобы мужчина больше к ней не приходил, на что получила ответ, что она, оказывается, девица весьма резкая и неприятная, и потому он и сам не хочет больше с ней встречаться.

Много, много лет прошло, и женщина уже давно семейная была и даже почти что успела на пенсию выйти – и позвонил вдруг ей тот самый кавалер, и сообщил, что первая жена его умерла от болезни, сын оказался гадом, но вот он женился вторично – очень, очень удачно: взял женщину много моложе себя. На целых тридцать лет моложе, и профессия замечательная – врач. Правда, своей квартиры у неё нет, и ей с двумя подростками сыновьями жить негде, но у него ведь прекрасные жилищные условия, так что все разместились, всё хорошо, живёт он с женой отлично и прямо наслаждается жизнью!

И ещё потом позвонил, и ещё.

Иногда плакал.

Шубка

Э. Делакруа (Франция). Свобода на баррикадах.

Одна доцент, кандидат наук, в первые годы свободы и строительства рыночной экономики прикупила себе норковую шубку и сапоги зимние на высоком каблуке: очень красиво!

Правда, работать пришлось в нескольких вузах и почти без отдыха, но ведь дело того стоило: шубка-то – вот она! Да, по нечищеному льду на улицах ходить было трудно, каблочки скользили, так ведь зато как она чудесно выглядела, когда на чищеную часть тротуара попадала! Полы шубки туда-сюда, туда-сюда, шёрстка норковая так и блестит, так и блестит при движении, а каблочки стук-стук, стук-стук, песня прямо, щёчки покраснеют от морозца, губки красной помадой тронуты – прелесть, а не женщина! Замечательно приятно было в витринах магазинов на себя любоваться!

И вот идёт она утром в один из своих вузов на занятия, каблочками скользит, скользит по льду – да и бух прямо на лёд-то всю фигуру в прекрасной норке!

Лежит, встать не может, ушиблась, да и каблочки высокие встать не дают, и скребёт наша доцент по ледяному насту ручками в модных перчатках, сучит ножками в красивых сапожках – а никак! И нет вокруг никого... То есть, конечно, перекрёсток оживлённый был, и в тот момент многие на работу ехали или шли, но ведь торопились на работу-то, опаздывать же нельзя, так на доцента ни у кого времени и не находилось.

Доцент уже прямо в отчаяние приходила стала и размышлять на тему, скоро ли муж её хватится и искать начнёт, вечером после работы или уж совсем к ночи – но тут сильно ей повезло: прямо возле неё у поребрика роскошная машина остановилась, блестящая такая и с трёхлучевой звездой на капоте. Мерседес.

И выходят из того мерседеса двое. Не торопясь так выходят, беседу продолжают. О чём-то рыночном.

Увидели доцента, приостановились, и один сказал другому:

– Вот представляешь, как бы мы хорошо жили, если бы этих тараканов везде не было?

Переступил через доцента – ноги длинные, в фитнес-зале тренированные, в ботинках дорогих, хороших – и дальше пошёл, с приятелем беседу продолжая.

Шубку норковую, к счастью, подошвой не задел.

Мечта

Д. Г. Росетти (Великобритания). Двенадцатого мая день.

Один мужчина, молодой ещё, лет тридцати, но уже с прекрасным положением в обществе, очень печалился о своей мечте несбывшейся. Всё у него было хорошо: жена из приличной семьи, дети-ангелочки, должность высокая и с перспективой роста, диссертация защищённая – просто замечательно всё было. Одного не случилось: мечта не сбылась. Да, не сбылась.

Он в столицу на конференцию важную поехал, международную, и там в гостинице с девушкой познакомился: тоже симпатичная, как и он, и возраст тот же примерно. Сначала они в гостинице при заселении немного из-за номера поругались и как бы неприятно им стало смотреть друг на друга, но после как-то ничего, прошло, даже довольно подружились и решили к общей знакомой в гости сходить.

Идут, беседуют приятно, и до того он ей доверился, что про мечту свою рассказал:

– Вот хорошо бы было, если б прямо возле меня на улице остановилась белая машина, а в ней девушка красивая, и чтоб эта красавица дверцу распахнула и мне, именно мне, улыбнулась и сказала: «Вас подвезти?».

Идут дальше, говорят уже о другом, и мужчина решает поймать машину, потому что спутница на каблуках, а идти ещё далеко. Останавливаются у магазина, она смотрит на разные дамские штучки в витрине, а он направляется к дороге «голосовать». Голосует долго и безуспешно, и вдруг, представьте себе, прямо возле мужчины останавливается белая машина, и красивая девушка-водитель распахивает дверцу со словами: «Вас подвезти?» И улыбается призывно: мужчина был довольно неплох собою, надо признать.

Мужчина в волнении оглядывается на спутницу и прикидывает, насколько пострадает его репутация, если он сейчас бросит свою девушку и сядет в машину. Красавица автоледи, улыбаясь, настаивает. Мужчина мнётся, оглядывается со смятением ещё раз, но потом всё же решает быть джентльменом, в состоянии глубокого горя захлопывает дверцу, и белая машина с красавицей исчезает в потоке автомобилей.

Общая знакомая, когда после мужчина ей эту историю рассказал с сожалением, спросила:

– А ты дальше мечтал?

– В смысле?

– Ну, о том, что дальше будет, после того как твоя красотка дверцу откроет. Думал, как ты в её авто сядешь, что скажешь, куда вы поедете и что случится потом?

– Нет...

– Так что же ты переживаешь? Тебе дали ровно то, о чём ты мечтал.

Рана

Ахилл убивает царицу амазонок Пентесилею (Древняя Греция). Чернофигурная амфора.

Одну женщину ранили сильно: прямо от горла до паха рана была, и широкая очень. Долго не зарастала. Ходить так на работу, да и дома находиться, сложно было, но к медикам обращаться бесполезно: это не телесная рана была, её любимый человек как бы бросил. Она случайно его почти посмотрела, он беспечно свой почтовый ящик открытым оставил, и увидела, что он с другой женщиной встречается довольно давно уже, и пишет, что она, эта вторая дама, постоянно в его мыслях и в сердце – вот так с ним происходит, и даму эту мужчина называл дорогой и милой, а женщину, что случайно в письмо заглянула, так не называл никогда.

У мужчины этого полгода назад несчастье случилось, папа его умер, и женщина очень сочувствовала и разными способами приятно выражала это своё сочувствие, так что мужчина прямо улыбался после разговора с ней и в машину свою её приглашал, чтобы немного с ней побеседовать интимно в ближайшем леске. А после интимностей он всегда заново о своём угнетённом состоянии подробно ей рассказывал и на начальство жаловался, что не ценит его как надо бы, и жену свою упрекал в бесчувствии, а любящая женщина ласкала его нежно и уговаривала, и убеждала в том, что он самый, самый лучший из всех. Он верил и в благодарность её до самого дома довозил.

Пришлось этого замечательного мужчину предупредить, что всё, отношения закончены, а он не верил и повторял, что не понял ничего: как же так, почему, за что – неясно ему было совсем.

А женщине больно было очень, рана-то глубокая и широкая была и всё не зарастала никак: и двигаться было трудно, и работать. И при случае пожаловалась она одному своему сослуживцу на то, что якобы тот, первый, мужчина, ей по работе неприятность причинил. Сослуживец сердечно посочувствовал, потом до остановки автобуса её проводил, занимательно на разные темы беседуя, и рана как-то стала потихоньку затягиваться.

И стала женщина его, этого другого мужчину, в командировки служебные брать с собой – она начальником небольшим была – и там они работали и по вечерам гуляли по красивому городу и опять приятно беседовали о разных вещах. И этот мужчина часто её пытался смешить и доставлять ей всякие удовольствия: мороженое, например, покупал или в кафе водил. Тем

более что деньги в конверте она ему заранее выдавала, чтобы он не смущался расходами: она тогда зарабатывала хорошо, и денег в конверте было много, а отчёта в этих деньгах она с него никогда не спрашивала. Понимала, что за приятную мужскую компанию надо платить, и если не собой, то, конечно, деньгами – как же ещё?

И так она замечательно душою утешалась с этим вторым мужчиной! Ей казалось, что наконец у неё появился друг и защитник, надёжное плечо, а то свои-то плечи у неё уж к тому времени уставать стали от постоянной работы и бытовых забот. И женщина эта постепенно сослуживцу всю свою жизнь рассказала, а он молча, как и полагается мужественному герою, слушал и сочувствовал взглядом.

А потом она привыкла его мнения и совета спрашивать, как у брата или давнего друга. И мужчина этот тоже к ней как бы привязался: с ней в один и тот же город в командировки ездил радостно, только всё чаще неизвестно где пропадал в рабочее время, но к вечеру тут как тут был и гулял с ней, и разговоры вёл приятные.

И он ей тоже свою жизнь постепенно рассказал и её совета спрашивал в трудных ситуациях. Вот, например, в последнее время подумывал он переселиться в тот город, куда они всё в командировки ездили: город красивый, работать и гулять в нём приятно. А она его отговаривала: нет же у него в этом городе никого – где он голову приклонит, как работу хорошую найдёт, он ведь совсем не старался связи завести в том учреждении, где они в командировках бывали.

И вот поехали они вновь в этот город, и уже назавтра уезжать пора было, и сидели в кафе, распивая чай и глядя на вечерние красивые улицы в панорамное окно высокого этажа. И женщина попросила, чтобы он телефонным звонком разбудил её завтра, чтобы ей вовремя встать и им обоим на самолёт не опоздать. Мужчина опустил на минуту глаза и сказал, что он завтра никуда не едет, потому что ему нужно пойти в офис своей новой работы: он работу хорошую в этом городе нашёл и с квартирой уже почти определился. А она, конечно, пусть уезжает, они потом на его старой работе встретятся, ему же документы надо будет как положено оформить.

И женщина нехорошо поступила: вышла из кафе, не расплатившись за свой чай, а утром уехала не попрощавшись.

Нехорошо поступила, да.

Старичок

Камилла Клодель (Франция). Бронзовый вальс.

Один старичок влюбился сильно. Девушка красивая была и молодая, на сорок лет его младше, и решительная такая: не побоялась разговоров разных нехороших за её спиной. И стал старичок её горячо благодарить за любовь и ласку, но делом так, по-мужски: он ей должность хорошую устроил, а ещё диссертацию помог написать и защитить. Ходил по нужным людям и уговаривал отзывы положительные на диссертацию дать. Старичка все любили, он добрый был и специалист хороший, и, поворчав немного, все нужные люди отличные отзывы написали и на самой защите к диссертации не сильно придирались.

Старичок этот в прежние годы хорошие должности занимал и с тех самых пор сохранил несколько друзей, прямо скажем, прекрасно устроенных в жизни, с положением очень высоким и со связями полезными. И вот попросила любимая девушка старичка её с одним из этих высоких чинов познакомить. Она дальше хотела развиваться и докторскую писать, а этот высокий чин очень мог помочь при защите. Познакомил их старичок, ему это было не трудно и в радость, и принялись они втроём дружить. А потом девушка стала в столицу к этому высокому чину ездить для консультаций научных, и как-то раз позвонила оттуда старичку и радостно сообщила, что замуж за этого чина вышла, он ведь её всего на тридцать лет старше, это же для неё лучше, правда? И старичок согласился, что да, так лучше, конечно. И горевать старался не сильно, чтобы люди не замечали, и отвлекался работой и делами домашними разными.

Дел у него дома много было. Со старичком ведь тёща жила, а у тёщи Альцгеймер был – болезнь такая. Тёща мало что понимала и не только сама не могла хозяйство вести, но и за собой ухаживать, так что старичку несладко было с ней в одной квартире жить – да что поделаешь, не бросить же тещу, верно? А жена у старичка за несколько лет до того умерла, и этим очень его облегчила, потому что она сумасшедшая была – диагноз такой у неё был

медицинский, и жила она в сумасшедшем доме, а старичок к ней ходил и ухаживал, как мог, а теперь вот хорошо стало, не надо ухаживать и в скорбный дом ходить тоже не нужно. Да и к тётчиному Альцгеймеру он попривык со временем. Плохо только, что сердце опять болеть начало, так же, как и до операции прошлогодней – оно же разбитое теперь было.

А девушка любимая старичка не забывала: сообщала ему, что вот скоро ребёночек у неё будет, и вот уж родился, и назвали его, и подрос он уже, а вот и второй ребёночек на подходе – радостно, правда? – и вот уж родился, то есть родилась, и уж назвали, и подрастать начинает, и докторскую она защитила, как и хотела, и работает в прекрасном, очень престижном учреждении на высокой должности – молодец же она, верно?

Старичок радовался. Он радовался за неё, свою любимую, только сердце всё больше и больше болело, работало уже с перерывами, а однажды взяло и остановилось совсем.

Да и пора уж была, он ведь сильно пожилой был, старичок-то.

Пианистка

Адель Романи (Франция). Портрет дамы у фортепиано.

Одна пара в кафе полуподвальное зашла. Так просто, посидеть немного, поболтать в тишине. Кафе непопулярное было, хоть и на центральной улице располагалось, и никого в нём на тот час не случилось, только эта пара и была. Сели они за столик в углу, напротив пианино, заказали вина, а через несколько минут вышла пианистка, села за инструмент и заиграла для гостей.

Внешность у этой пианистки была так себе. Не очень была у неё внешность: пианистка сутулилась сильно и казалось, что горбатенькая, а нос был очень большой и тоже горбатый, а пальцы кривые, как будто их ломали нарочно. И вот этими кривыми пальцами стала она играть разные мелодии до того приятно и замечательно, что пара заслушалась прямо. А когда пианистка заиграла «Я прошу, хоть ненадолго, боль моя, ты покинь меня», мужчина встал, взял свой стул и пересел к пианино, с уголка, не близко – и, представьте себе, вдруг стал плакать: как мужчины плачут, беззвучно и почти без слёз, но у него лицо сильно так исказилось и губы вниз поползли, а глаза он закрыл и стал немножечко дрожать. Женщине неловко стало за своего мужчину, она подошла, обняла его плечи и принакрыла своей большой шалью – в тот день прохладно было, так она шалью укрывалась – и как бы спрятала его от посторонних глаз и ласково защитила. И мужчина под шалью стал уже слышно плакать, так его мелодия растрогала: он чувствительный был человек и сентиментальный, Рак по гороскопу.

Пианистка перестала играть и спросила с сочувствием, почему мужчина плачет, а женщина сказала, придумав на ходу, что он разведчик, только об этом говорить нельзя, но вот ей, пианистке, они расскажут: этого разведчика несколько раз в командировки опасные посылали в разные вражеские страны, и прямо сегодня, через три часа, он в очередную такую страну улетает и неизвестно, что там с ним будет и как он справится со своим заданием тайным. Легко ли ему сейчас, как вы думаете? А песня эта, она как раз ведь о разведчиках, вот мужчина и расчувствовался...

Пианистка сначала сцепила и сильно сжала свои кривые пальцы, а потом стала играть так сладко, так хорошо, что у всех троих слёзы на глазах показались. Но тут в кафе другие гости

вошли, и пришлось нашей паре уходить, а пианистка тихим шёпотом горячо желала разведчику удачи и говорила, что никому-никому про него не расскажет и сохранит его тайну.

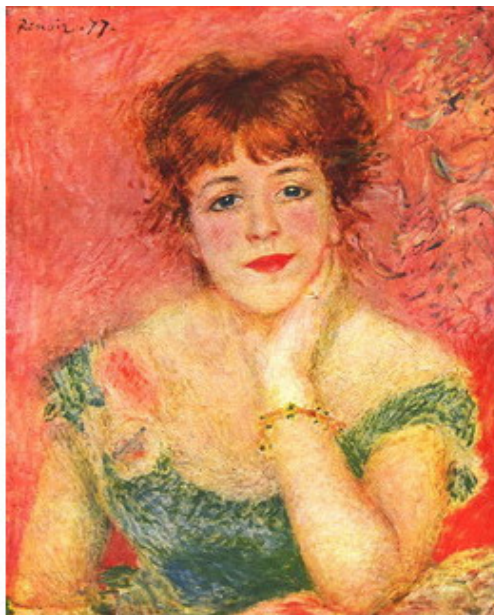
Пара вышла из кафе, добродушно посмеиваясь, а потом, в день рождения мужчины, женщина подарила ему стопку визитных карточек, очень красиво оформленных. Бумага была атласная, блестящая, и на чужом языке золотом было выведено красивое иностранное имя и должность: помощник командующего революционными вооружёнными силами одной далёкой страны, а сбоку – блестящие красные серп, молот и звезда, и внизу настоящий номер мобильного телефона мужчины и его реальный мэйл. Они раздавали эти визитки друзьям, рассказывая при этом историю о пианистке, и все весело смеялись.

Прошёл год, и пара опять гуляла в центральном районе города, и захотелось им снова зайти в то кафе и послушать пианистку. Однако носатая барышня с кривыми пальцами уже там не числилась. Пара проявила настойчивость, узнала её новое место работы, и отправилась туда вечером, купив по дороге красивые розы и коробку хорошего шоколада.

Горбатенькая девушка сидела за пианино прямо напротив входа, спиной к двери, и что-то невнимательно наигрывала. В кафе был только один посетитель, он сидел в глубине зала и с серьёзным видом жевал, уставившись в тарелку. Пара вошла тихонько, и женщина поставила на пюпитр коробку конфет, а мужчина положил розы прямо на клавиши. Горбатенькая пианистка повернулась на своём табурете, и на какой-то миг паре показалось, что они ошиблись, и это другая женщина: светлая красавица из нездешней, какой-то дворянской, жизни. Но потом узнали её, конечно. И стали они радостно обниматься и рассказывать, что вот разведчик наконец вернулся, выполнив своё важное задание, и что женщина и мужчина весь год представляли себе, как они опять встретятся с пианисткой и вновь будут слушать её чудесную игру, и дали ей визитку с золотыми буквами, сказав, что теперь уже можно раскрыть тайну разведчика. И пианистка с вдохновением и старанием играла им долго, и они все вместе пели, пили вино и веселились сердечно, хотя директор кафе пришла и сердито стала говорить, что нельзя отвлекать пианистку, она же на работе, а гости своей приватной беседой нарушают рабочий график. Но мужчина подарил директору вино и конфеты, которые купил тут же, в баре, и директор смягчилась.

Пара обещала прийти ещё, но этого не случилось: они сильно поссорились и расстались, а поодиночке к пианистке не было смысла идти, верно ведь? Может быть, пианистка позвонила потом своему разведчику – на визитке же был указан его телефон – и история продолжилась?

Банкрот

Огюст Ренуар (Франция). Портрет актрисы Жанны Самари.

Один богач разорился: потерял бизнес, недвижимость, деньги, положение в обществе. Беда с ним случилась большая, но ещё одна беда была в том, что он никак теперь место себе хорошее найти не мог. Не получалось, и всё. И стал он простым подёнщиком: обои клеил, полы настилал, шкафчики хозяйственные собирал – да на всё соглашался, на жизнь ведь надо было как-то зарабатывать теперь.

А жена его прежняя – он её ради новой любви бросил – очень этим была довольна. Она его, изменщика, прокляла хорошенько и считала, что вот он по её проклятию всё и потерял. У бывшего богача с этой мстительной женщиной общая дочь была, и он часто приходил дочь проводить, а придя, обычно на ночь оставался и долги свои супружеские, не до конца в законном браке отданные, со старанием возвращал. Тем более что эта, прежняя, супруга была собою дама весьма привлекательная. Вот только поговорить с ней было особо не о чем. Да и зачем – всё как-то без слов устраивалось.

Новую жену обанкротившийся богач своим мужским вниманием тоже не обделял, но он её больше за интеллект ценил, и до того его восхищение доходило, что он сам и хозяйство вёл, обеспечивая супруге возможность дальнейшего мыслительного развития. Да у него это и получалось лучше. Готовил он превосходно, а она как-то так себе готовила, и убирался он тщательней, и стирал чище, да и вообще у него теперь много времени свободного было – так куда ж его девать, не по библиотекам же ходить?

И как-то раз бывшая жена попросила этого банкрота лоджию благоустроить для её подруги, которая жила в доме через дорогу. Деньги неплохие могли случиться, и он согласился. Пришёл к подруге этой – и обомлел, прямо сказать: женщина и собой чудо как хороша, и хозяйка просто отменная, и разговор любой поддержать может. Прямо два в одном! То он от красивого тела к завидному интеллекту метался, нигде не находя полного своего удовольствия, а то вот оно всё перед ним в дивном своём соединённом виде ходит!

Одна была проблема: муж наличествовал. Нет, две было проблемы: муж красавицы – раз и благородное воспитание банкрота – два. Но ничего, банкрот и тут нашёл выход: стал приходить повидаться с дочерью в такое время, когда не только девушки, но и матери её дома

быть не могло, и под предлогом «немного подождать» заходил к новому своему увлечению, очаровательной красавице, и проводил время в приятных с нею беседах, причём всегда у её мужа разрешения спрашивал, чтобы зайти.

Постепенно стали они с этой замечательной женщиной рецептами обмениваться, общие увлечения у них завелись. Ветчину, к примеру, они стали домашнюю делать, очень им обоим такая ветчина нравилась, потом варенье варить, пироги печь... Стал банкрот СМС-ки с юмористическими стихами или анекдотами милой своей женщине посылать, чтобы её поразвлечь, видео смешное, фото – много раз в день – и она ему тем же отвечала. Звонил ей, конечно, беседы занимательные вёл, услаждался.

Всё лучше, чем одинокому-то быть при двух жёнах.

Развод

О. Роден (Франция). Поцелуй.

Одна искусствовед очень влюбилась в популярного журналиста – прямо жить без него не могла. Два года осаждала она предмет страсти, пока не добилась от него мужского внимания и ребёнка. Журналист был женат, но детей с законной супругой у него как-то не случилось. А тут – пожалуйста, да ещё и второй намечался...

Развёлся журналист, женился на даме-искусствоведе, прежней супруге благородно оставил недвижимость в виде однокомнатной квартиры и переехал к новой жене в четырёхкомнатную квартиру в прекрасном районе: в двух шагах – метро, напротив дома – парк обширный и хорошо устроенный, магазины замечательные вокруг, кафе-рестораны. Да и сама квартира хороша: третий этаж с отличным лифтом, потолки высокие, комнаты просторные, изолированные, дом – «брежневский кирпич». Красота просто!

Журналист для своих творческих исканий затребовал комнату отдельную, очень уютную, тихую, окно во двор выходило, а жена с детьми в другой комнате устроилась, но не рядом, а наискосок через коридор, чтобы детский писк творчеству не мешал. В детской комнате шумновато было, потому что улица оживлённая под окнами проходила, но ничего, как-то разместились. А родители жены, уже довольно пожилые, в третьей комнате жили, тоже на шумной стороне. Четвёртая комната, самая большая, для светской жизни предназначалась: к журналисту постоянно гости ходили, известные в стране люди.

Жили они так, поживали, горя-беды не знали, как вдруг – оп! – прилетела журналисту от судьбы плюха: грянул кризис, издание, где он работал, закрылось, а в другие двери он принципиально стучаться не стал, потому что не его это был уровень, низкий. И стал журналист ждать, когда в издание высокого уровня его пригласят, а пока что в комнатке своей уютной разные литературные произведения создавал. Произведения в печать не брали – но это потому, что никто не мог его интеллект и мастерство оценить, которые далеко за обычные рамки выхо-

дили, да и завистники интриговали, ясное дело. И пришлось его жене, даме-искусствоведу, себе вторую работу найти – детей-то кормить надо было, да и мужа теперь содержать приходилось. Но она не унывала, ведь муж-то был любимый, а дети – славные девчонки!

Однако через несколько лет как-то поубавилось у неё энтузиазма и стала она робко намекать супругу, что, может быть, лучше немножко снизить планку и найти уже какой-нибудь заработок: дети растут, социализм кончился, все кружки-секции платные, для подготовки в вуз репетиторы нужны, да и родители старенькие стали, их поддержать надо – а она одна этот объём потребностей своими усилиями покрыть не может... Бывший журналист, а теперь непризнанный писатель ей на это ничего не отвечал и гордо удалялся в своё горное гнездо, где он литературные шедевры создавал.

Шли годы. Родители один за другим покинули этот мир, старшая дочь уехала в далёкую страну работать, да так там и осталась, младшая нашла себе бойфренда и жила у него, и остались писатель с искусствоведом в четырёхкомнатной прекрасной квартире одни. Не вдвоём, а именно что одни. Он один – у себя в гнезде на бумажных горах, и она одна – в пустых трёх комнатах. И до того дело дошло, что жена своего мужа уже видеть не могла. То есть она его и так почти не видела, но чувствовать в пустой квартире постоянное присутствие постороннего предмета было тяжело.

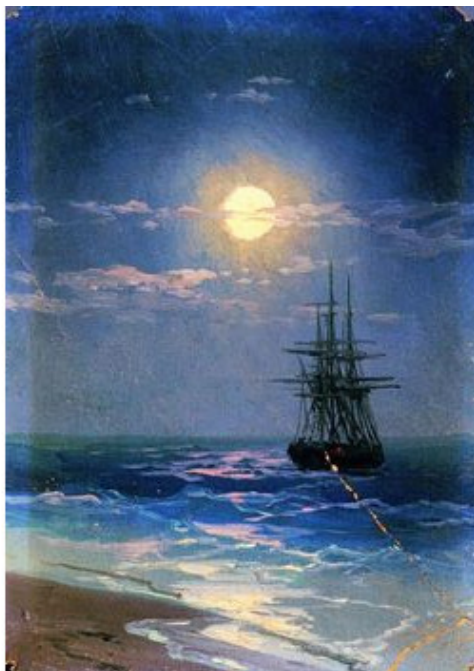
Супруги развелись и разменяли прекрасную квартиру на две: писателю – однокомнатную, и он долго раздражался, что при этом денег на жизнь не дали, и ему – ему! – пришлось в баню сторожем устроиться, а ей – крошечную двухкомнатную в панельной многоэтажке.

Писатель стал ходить к прежней жене жаловаться на её же нечуткость и жестокосердие, упрекать и обличать. Заодно обедал.

Так ходил он к своей бывшей жене, ходил, да и обнаружил, что без неё уже вообще жить не может. Не в бытовом смысле, это само собой, а – поговорить, новости политики и культуры обсудить. Бывшая жена ему о выставках новых рассказывала, о фильмах, спектаклях на шумевших – и захотелось писателю, то есть теперь уже сторожу при бане, одну такую, очень интересную, выставку посетить. Пошли вместе. Супруга занятно комментировала картины. Писателю понравилось. Сходили на другую выставку, потом на спектакль выпускной в известном театральном вузе, потом ещё куда-то – и до того дошло, что стали вместе на конференции ездить искусствоведческие. К родственникам в кои-то веки съездили, на Русский Север, затем просто так – в отпуск вместе.

Хорошо живут теперь, дружно.

Офицер

И. К. Айвазовский (Россия). Море ночью.

Одна начальница по работе с мужчиной познакомилась, он ей проект общий разработать предложил. Так себе мужчина: полноватый, лысоватый – никакой. И работник не так чтобы усердный, ей самой кое-что за него пришлось делать.

Иногда они чай вместе пили после совещаний – прямо на рабочем месте, чтобы от проекта не отвлекаться: у начальницы всегда конфеты вкусные водились, она сладкоежка была. И вот этот мужчина за чаем, чтобы разговор поддержать, кое-что о своей жизни рассказывал, да так увлекательно – прямо заслушаться можно было.

Мужчина в молодости, оказывается, морским офицером был, в океанах далёких плавал и даже почти что в геройских битвах участвовал – ну, если бы вдруг такие битвы случились, то он бы не спloховал!

А родился он в маленьком городке на острове, где во время давней русско-шведской войны побеждённые скандинавы так быстро бежали, что котлы для варки пищи и весь прочий свой инвентарь побросали. Вот по шведскому названию солдатского котелка остров и наименовали потом, после русской победы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.